

Коме. правда. - 1994. - Нокт. - с. 11

Щупальца Джанни Версаче

Немало дам попало в них. А сколько еще мечтают об этом!

47-летнему кутюрье Джанни Версаче раз и навсегда удалось покорить весь мир оригинальным ощущением красоты и гармонии. Его исключительность проступает во всем, даже в придуманной им торговой марке — стилизованной голове Медузы Горгоны. Некоторыми секретами своей «высокой моды» мастер поделился с итальянским журналом «Панорама».

— Скажите, почему вы выбрали именно Горгону?

— В моей родной области Реджо-Калабрия как раз напротив отчего дома сохранились остатки греко-римского мозаичного панно с изображением Медузы Горгоны. И мы, дети, всегда играли там. Когда пришло время избрать символ своего дома моделей, я тут же вспомнил легенду: кто станет пленником чар Горгоны, пропадет навсегда. Подумайте, разве так уж плохо однажды быть завоеванным Версаче и забыть обратную дорогу из моего мира? Этому соблазну невозможно противостоять.

— Щупальца Медузы — «многосторонний интеллект» Версаче?

— Вообще-то первое, что мне приходит на ум, — образ фотолаборатории. Мой мозг, хотя в нем и рождаются всякие технологические штучки, настроен на интерпретацию греческой статуи и полотен Пикассо. Получается некая смесь из гуманистических и физических контрастов. Так вот: моя голова умеет, подобно фотолаборатории, проявлять и создавать новые образы.

— Как? Путем принятия решений экспромтом либо после долгих «лабораторных испытаний»?

— Сразу обычно ничего не рождается. Скорее вырывается изподвола. Мой способ создания образа не схож с эффектом «Полароида», хотя мгновенные озарения порой случаются. Чаще я работаю с воспоминаниями, когда-то запавшими в сердце: поездки, ощущения, просмотренные фильмы... Мой главный личный архив упрятан в уголках памяти. Это ателье моей мамы в Реджо-Калабрии. Все мои творческие изыски, говорю это без ложной скромности, берут начало в воспитании, заложенном матерью и совершенно непохожем на отцовский стиль некоего отдаления от реальных вещей. Мне повезло в

том, что удалось избежать шор. И если кто-то мне их пытается надеть, я их немедленно срываю. Таким образом, я могу вглядываться, творить, как бы превращаюсь в диспетчерскую башню аэропорта с чуткими антеннами. Я не боюсь летать.

— И не боитесь экспериментировать?

— Портные в своем большинстве — презренные трусы. Все время бояться ошибиться, потерять марку. Им не хватает мужества жить полноценной жизнью. Моя голова тоже иногда допускает ошибки. Они — составная часть личного «послужного списка».

— Выходит, вы признаете личные промахи в моделировании?

— Конечно, их достаточно много. Когда я говорю, что делать персональный показ своих моделей означает пройти очередное испытание, это

правда. Подготовка к такому событию дает отличную возможность провести инвентаризацию работ: что вышло неудачно, а что, наоборот, получилось. Показ — это всегда выбор, переоценка, новый взгляд. Замечаешь, что некоторые костюмы безнадежно устарели.

— Как Версаче видит феномен моды теперь и в перспективе?

— Мода — часть культуры, а не поиск каких-то отличных от собственных моделей символов. Это всегда передача авторских ощущений, открытие без всяких оговорок своих технологий, секретов мастерства. По моему убеждению, мода тесно связана с характером личности. С другой стороны, нельзя судить о человеке по тому, как он одевается, или утверждать, имеет он вкус или не имеет. Вкусы меняются, следовательно, любое

табу — глупость. Мадонна, например, в свое время оскандалилась, когда надела бюстгальтеры от Жан-Поля Гольте. А сегодня их носят все, и это уже не считается вульгарным. Или возьмите, например, два совершенно разных стиля — Джейн Фонды и Шер. Первый можно отнести к разряду высококлассных, второй передает чувственность.

— Есть ли у Версаче музавдохновительница, идеальная дама?

— Для меня такая дама — все без исключения женщины. И путаны, и святые, умные и поверхностные. Необходимо уважать и любить их всех. Мне надоело утверждения: вот эта красивая, значит, она непременно глупенькая. А вот та умнейшая, но совсем не соблазнительная. Терпеть не могу тех, кто судит о женщинах стереотипно. И о мужчинах тоже. Если кому-то нравится носить пиджак и галстук, то это вовсе не свидетельствует о его банальности. Просто человек чувствует себя в своей тарелке. Людей надо одевать не по их внешнему виду, а по содержанию.

— Удивительно нетипичный у вас взгляд на вещи...

— Стараюсь легко относиться ко всему. Легкость — одна из самых важных вещей в этой жизни... Когда нет легкости, поневоле скатываешься в банальность. Мне нравится «легкая культура» — та, что пишется с большой буквы и не нуждается в рекламе. Настоящая, глубокая культура — всегда легкая. Мне нравится думать, что моя голова генерирует идеи, легкие, как пух.

— Всем известно, что вы предпочитаете общество актеров и художников, но почему?

— Пикассо для меня — человек-миф. По-моему, его работа, жизнь, энергия превратили мастера в символ нашего века. Мне хотелось бы почаще видеться с теми, кому я многим обязан: с Морисом Бежаром и Бобом Уилсоном. Когда-то именно они дали мне много — театр и танец стали для меня средством раскрепощения, освобождением от условностей моды. Я общаюсь с Элтоном Джоном, Принцем, Майклом Джексонем. Среди знакомых — Кинг, Мадонна, Уитни Хьюстон... Мне было любопытно узнать их, да и они искали встреч со мной.

Подготовил
Александр ГОЛОВАНОВ.